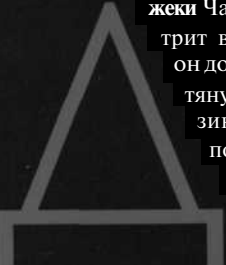

ДЖЕКИ ЧАН: СМЕРТЕЛЬНЫЙ НОМЕР

Невысокий жилистый человек стоит в окне 23-го этажа громадного небоскреба. 150 футов стали и стекла отделяют его от земли. Где-то там, далеко внизу, суетятся зеваки, щелкают блицами репортеры, настраивают свои камеры телевизионщики. Человек собирается сделать то, что делает лучше всех на свете — он собирается прыгнуть...

Джеки Чан глубоко вздыхает и смотрит вниз. Мишень, в которую он должен попасть, — **туго** натянутый тент из прочной резины — выглядит отсюда почтовой маркой. Крохотной, почти незаметной.

150 футов отделяют его от аршинных заголовков в завтрашних газетах: «Самый опасный трюк в мире: без страховки вниз головой!» Или от реанимации. Или от торжественных похорон. Какая-нибудь случай-

ность — резкий порыв ветра или испуганная птица, залетевшая невзесь откуда, и...

Нет, конечно, каскадеры все просчитали. Они кидали с шестнадцатого этажа мешок с песком, и с мешком ничего не случилось. Впрочем, кто спросит у мешка, было ли ему больно? Джеки смотрел видеозапись сидя в гостиничном номере, проматывал ее раз за разом: вроде бы никаких проблем произойти не должно. Прыжок безопасен — в случае с Джеки Чаном это означает: «возможно, не смертельно».

К тому же чуть позже Джеки решил усложнить задачу: прыгнуть не с шестнадцатого, а с

так: «Самый опасный трюк в мире: без страховки вниз головой!» Или от реанимации. Или от торжественных похорон. Какая-нибудь случай-

Во всем мире он заслужил репутацию человека, который идет на смертельный риск, чтобы зритель был уверен — все трюки подлинные, никаких спецэффектов

двадцать третьего этажа — это еще шестьдесят футов, каждый из которых может оказаться роковым. Что ж, ведь пресс-агент уже объявил журналистам, что его клиент проделает самый опасный трюк, который вы когда-либо видели. Приходится соответствовать — фанаты по всему миру ждут, что их герой, как и прежде, не подведет. Неутомимый Джеки Чан, бесстрашный Джеки Чан...

Тот, кто так говорит, никогда не прыгал с небоскреба.

Каждая клеточка его тела молила не делать этого. В гор-

кость в его теле переломана, а некоторые — не по одному разу. Ни одна страховая компания не соглашается иметь дело с Джеки Чаном — это пустая трата денег. Еще бы: ведь все без исключения съемки с участием азиатской звезды заканчиваются больничным покоем. То скромный перелом лодыжки или растяжение связок, а порой и дырка в голове. После неудачного падения с высокого дерева Джеки, помнится, шесть недель провалялся в кровати, маясь от безделья. Врачи запретили ему даже думать о подобных трюках в будущем: лю-

Его позвоночник пару раз собирали по кусочкам, он ломал шею и нос, но все-таки не разбился насмерть. Пока... А ведь ему уже сорок пять!

ле застрял противный комок, сердце ушло в пятки и там застыло. Пальцы мелко дрожали, и Джеки пришлось присесть на корточки — надо чуть-чуть успокоиться. Да, во всем мире он заслужил репутацию человека, который идет на смертельный риск, чтобы зритель был уверен — все трюки подлинные, никаких спецэффектов. Он пробивал головой стеклянные двери, выпрыгивал из мчащихся машин и висел на двухсотметровой высоте, вопя от ужаса. Все по-настоящему, без дублеров...

Но лишь Джеки знает цену этим трюкам. Каждая (каждая)

бой может оказаться последним. Но уже через три дня после выписки он опять стоял на съемочной площадке.

Джеки открывает глаза и снова смотрит вниз. Его позвоночник пару раз собирали по кусочкам, он ломал шею и нос, но все-таки не разбился насмерть. Пока. И потому — стоит ли это делать? Зачем, для чего? Ведь ему уже сорок пять... Кому еще нужно доказывать, что он способен на безумства? Ведь все и так это знают.

Но Джеки встает и решительно подходит к краю. Он должен это сделать — на этот раз не для фэнов и не для прессы.

Он должен сделать это в память о человеке, чьи скромные похороны состоялись неделю назад в маленьком калифорнийском городке. Человеке по имени Ю Джим-Йен. Впрочем, Джеки (а тогда еще никакой не Джеки, а Чан Конг-Санг) никогда не звал его так. Он и еще пятьдесят мальчиков называли его просто — Мастер...

...«Актёр китайской оперы должен уметь все! — Китаец средних лет с непроницаемым лицом расхаживает по тренировочному залу, постукивая бамбуковой палкой по деревянному полу. — Он должен прыгать, как обезьяна, красться, как гиена, и петь, как соловей! И драться, как тигр, разумеется. Я учу вас этому, потому что, кроме меня, вас этому не научит никто. Всем понятно?» Пятьдесят бритых наголо мальчиков в возрасте от 9 до 16 согласно молчат. Им надо бы вежливо кивнуть головами, чтобы засвидетельствовать свое уважение, но, увы, сделать это довольно трудно. Дело в том, что мальчики уже полчаса стоят на руках.

«Это важное упражнение, — продолжает Мастер. — Вам придется играть дерево или гору — и тогда вы должны будете стоять два часа не шелохнувшись. Два часа — это очень много. Уже через двадцать минут затекают руки, дрожат колени и перед глазами плывут крути. У профанов! Но не у выпускников Гонконгской школы драмы. Вы будете стоять на руках по полчаса каждый день — и тогда сцена покажется вам отпуском». Мастер глядит на песочные часы, что висят у входа, и удовлетворенно кивает: «Упражнение окончено. Все свободны — все, кроме Чана».

Мальчики с радостными криками в изнеможении падают на пол. Только один остается стоять — лицо его побагровело, ноги сводит судорога, но послушаться Мастера он не в

силах. «Чан Конг-Санг! — говорит Мастер торжественно и прихлебывает зеленый чай из глиняной чашки, которую почтительно подает один из воспитанников. — Вчера я называл тебя своим крестником, и все это слышали. Что ж, теперь ты мне как сын, и я сделаю так, чтобы мне никогда не пришлось краснеть за тебя. Отныне ты будешь делать каждое упражнение дольше, чем твои братья по школе. Еще пятнадцать минут! — И Мастер осторожно ставит чашку на пятаку Чана. — Если чашка упадет, ты будешь наказан».

Еще пятнадцать минут — это долго, невыносимо долго! К голове приливает кровь, руки превращаются в один сплошной источник боли. Пять, шесть, семь минут — чашка дрожит и падает на пол, Чан падает вслед за ней. «Что ж, Конг-Санг, — невозмутимо говорит Мастер. — Ложись на живот и приготовься получить то, что заслужил». Бамбуковая палка свистит в воздухе, и мальчик до крови прикусывает губу — ведь если закричишь, получишь в два раза больше.

Обед — чашка риса с каплей соуса, затем два часа пения и пятичасовая тренировка по кун-фу. Когда учитель командует: «Отбой!», Чан быстро идет в спальню, ложится на живот и старается не шевелиться: на спине и ягодицах проступили багровые следы, и каждое движение причиняет мучительную боль. Но мальчик ее словно не замечает: такое наказание в Гонконгской школе драмы — дело привычное. День, когда бамбуковая палка Мастера не прогулялась по твоим плечам, рукам, спине, — счастливый день. И, сказать по правде, дни такие выдавались редко, очень редко. Он лежит и думает о том, что быть крестником Мастера оказалось не так-то здорово. А ведь еще вчера все казалось совсем по-другому...

Он пробивал головой стеклянные двери, выпрыгивал из мчащихся машин и висел на двухсотметровой высоте, вопя от ужаса. Все по-настоящему, без дублеров...

...«Сегодня у нас изменение в распорядке, — объявил Учитель после утомительного курса китайской истории. — Родители нашего брата Конг-Санга почтили школу своим визитом. Они устраивают праздничный ужин — после тренировок всем собраться в столовой». «Мой папа — самый лучший повар во всем Гонконге! — хвастливо зашептал Чан. — Он готовил еду американскому послу, понятно? А теперь живет в Австралии и готовит для французского посла!» «А чего он приехал? — удивились приятели. — За тобой?» Чан недоуменно пожал плечами: «Я и сам не знаю. Он не был здесь Бог знает сколько. Я думал, что вообще его не увижу».

Вечером отец встал из-за стола и поднял руку, чтобы привлечь всеобщее внимание. «Я хочу кое-что сказать вам, Мастер, и вашим воспитанникам. Пять лет назад я уехал в Австралию, здесь остались моя жена и мой сын. Пять лет назад я отдал его в вашу школу. Довольны ли вы его успехами, Джим-Йен?» Мастер степенно склонил голову: «Я доволен успехами Конг-Санга. Он не самый лучший певец в моей школе и не самый ловкий акробат, но хорош во всем понемножку. Все, за что берется, он делает хорошо». Отец удовлетворенно кивнул: «Что ж, я рад это слышать. Срок обучения моего сына в вашей школе истекает только через пять лет. Я приехал, чтобы забрать с собой жену: работа в Австралии приносит неплохие деньги, и мы снова будем вместе. Но теперь у моего сына в этой стране не останется никого. Я хочу просить вас, Мастер, о том, о чем никогда бы раньше не попросил». Чан замер: неужели его забирают с собой? «Я хочу, чтобы вы стали крестным отцом Чана». Вокруг взволнованно зашептались: стать крестником самого Учителя — это все равно что стать заместителем Бога на Земле. И что же — теперь этого задиру никто и пальцем не посмеет тронуть?..

Первое время Чан и сам так думал. Иерархия в школе поддерживалась десятилетиями: младшие ученики прислуживали старшим, покорно получали подзатыльники, а за обедом им доставались одни объедки — пока старшие не поедят, младшие не смели даже притронуться к пище. Чан был самым младшим — теперь же он гордо восседал во главе стола, рядом с Учителем, и брал самые лучшие куски, а старшие братья с ненавистью смотрели на него — этому выскочке надо бы открутить голову, да как? Но после неудачного стояния на голове все разъяснилось: Чан получает не только лучшие куски, но и самые трудные задания, а количество ударов палкой для крестника Мастера увеличилось ровно вдвое. Более того: каждый раз, когда кто-то из воспитанников получал наказание, Чан тоже подставлял спину. «Вы братья, и вы в одной связке, — приговаривал Учитель, лупцую обоих мальчиков разом. — Вот так я вобью в вас чувство ответственности друг за друга, даже если мне придется срубить все бамбуковые рощи в окрестностях Гонконга >. Вечером, прикладывая к горячей спине смоченное в ледяной воде полотенце, Чан думал о том, что все в жизни имеет свою цену и здесь это понимаешь очень быстро.

Смешно вспомнить, но когда родители привели его в этот приземистый особняк на окраине Гонконга, восьмилетний Чаи всерьез решил, что лучшего места не Земле просто не бывает. Отец вел длинную беседу с Мастером, а Чан веселился от души. Толпа ровесников! Занятия кун-фу! Акробатика! Дают настоящие мечи! До этого родители пытались пристроить сына в обычную школу, но ничего не вышло: Чан не мог запомнить ни одного иероглифа, на уроках устраивал потасовки и искренне не понимал, зачем его

запахнули в этот муравейник. Здесь же — о, здесь все было по-другому! И, быть может, его ждут подмостки, карьера звезды китайской оперы... Когда родители решились наконец подписать контракт со школой и мама ознакомилась с его содержанием, она побледнела как полотно. «Что это значит, вот эта строчка?» — спросила она дрожащим голосом. «Школа несет ответственность за студента, она обяза-

но лет ты хочешь здесь остаться? На пять лет, на шесть?» «Навсегда! — не задумываясь, выпалил Чан, который как раз показывал один смешной трюк юной воспитаннице. — Я хочу остаться здесь навсегда!» «Максимальный срок — десять лет, — вежливо уточнил Мастер. — Подпишите здесь».

Первые дни и вправду показались Чану раем. Дома отец поднимал его с первыми лучами солнца и учил основам

Читая контракт, мама побледнела: «Что значит вот эта строчка - «Применять наказания столько, сколько потребуется, даже если это повлечет за собой смерть»?»

ется кормить и одевать его, — прочитал Мастер вслух. — Что непонятного?» «Нет, нет, ниже, — уточнила мама: — «И применять наказания столько, сколько потребуется, даже если это повлечет за собой смерть». Как это — смерть?» «Что ж, — медленно произнес Мастер. — Дисциплина — основа всех основ. То, без чего не вырастет настоящий мужчина. Это тяжелый, опасный путь. Разве не так?» Мать обреченно кивнула, но промолчала. Отец обернулся к сыну: «На сколь-

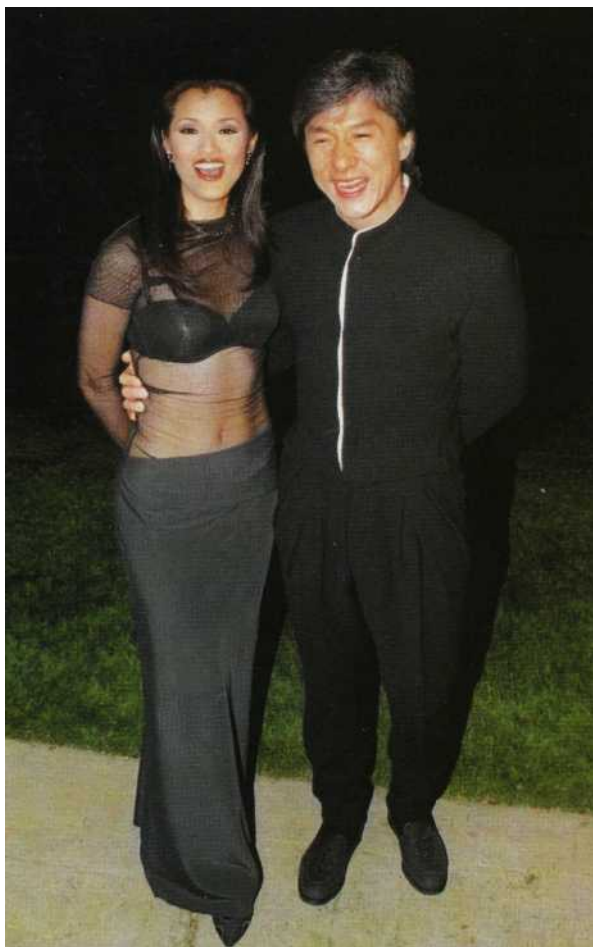
кун-фу — не самое приятное занятие, особенно когда дует холодный ветер и ужасно хочется спать. Здесь же Чан был предоставлен сам себе: он вставал когда хотел, занимался чем хотел, и ел от пуза. Казалось, Мастер полюбил его как родного: на обедах Чан сидел на лучшем месте и первым протягивал миску за рисом, а после Учитель поил его чаем с вкусным печеньем и вел длинные беседы о том о сем. Правда, остальные воспитанники почему-то смотрели на него не с завистью, а с каким-то тайным злорадством, ну да что они понимают...

Пресса пишет о его бесчисленных романах.
«Чушь, — обижается Джеки. — Если бы я спал со всеми, у меня бы ни на что не осталось времени»

Так продолжалось до тех пор, пока Чана не поймали на какой-то мелкой оплошности. «Двадцать ударов палкой», — скомандовал Учитель, и Чан обнаружил, что у роз бывают и шипы. По окончании экзекуции Учитель торжественно представил его остальным ученикам, дал новое имя, и вскоре Чан узнал, что таков веками освященный ритуал приема новичка: уже на следующий день он встал рано утром, вместе со всеми, и поплелся на занятия, а за обедом сидел в самом конце стола — когда до него дошел поднос с едой, там были только жалкие шкурки от вареных бобов и горстка риса. «Такова жизнь, — назидательно произнес Учитель, уминая двойную порцию. — Взлеты и падения идут бок о бок. Не радуйся одним и не печалься другим — все меняется». Этот урок Чан усвоил на всю оставшуюся жизнь.

..Джеки снова вздыхает, но встает и подходит к самому краю небоскреба. Вдох, выдох, вдох — и ноги медленно отрываются от земли. В любом прыжке главное — правильно оттолкнуться, этому Чан научился там же, в Гонконге. Свой первый прыжок он помнит до сих пор...

...«Послушай, Ло, ты такой умный и ты режиссер, но у меня тоже есть голова на плечах! — Координатор каскадеров жестикулировал так яростно, что, казалось, еще мгновение, и его мускулистые руки оторвутся от тела. — Никто из моих людей не сделает этот трюк без страховки! Это невозможно! Да, мы каждый день рискуем жизнью, но просто так совать голову в петлю не собираемся!» Ло Мян, преуспевающий гонконгский режиссер, багровел все больше и больше. «Да, я режиссер! — наконец заорал он. — И ставлю тебе задачу: герой получает удар от стражника, летит с пятиметровой высоты спиной и приземляется на ноги! Так написано в сценарии! Я плачу за трюки, а вы их исполняете! Да, я знаю, как это обычно делается: актера спускают на проволоке. Но это выглядит неестественно! У меня в сценарии герой — мститель, он мстит за отца, понимаешь? И если он, прыгая, будет похож на тряпичную куклу, на фильме можно поставить крест!» В этот момент координатора отзывает в сторону невысокий ладно сложенный парень: «Слушай, я

«Наблюдайте за кошками, — советовал Мастер. — Они всегда приземляются на все четыре лапы. Вам придется хуже, чем кошкам, потому что у вас не четыре, а всего лишь две ноги»

могу сделать это». «Прыгнуть без страховки? — недоуменно переспрашивает тот. — Эй, Чан, ты с ума сошел? Ты же разобьешься! Зачем тебе это надо?» «Затем, что мне надо выделиться, — быстро отвечает Чан. — Иначе я всю жизнь так и прохожу в младших каскадерах, понимаешь?» Координатор внимательно смотрит на него и медленно кивает: «Ну что ж, если ты уверен в себе, давай, попробуй». И кричит режиссеру: «Послушай, Ло, у меня есть один парень, который сделает то, что ты просишь! Я объяснил ему, как это сделать

правильно, так что цени — с другой командой у тебя бы этот фокус не прошел».

Джеки проходит на площадку, поднимается на фанерную башню и внимательно глядит вниз. Может быть, и вправду получится — в школе их учили правильно падать даже с большей высоты. «Наблюдайте за кошками, — советовал Мастер. — Они всегда приземляются на все четыре лапы. Вам придется хуже, чем кошкам, потому что у вас не четыре, а всего лишь две ноги». Главное — правильно сгруп-

Вилла в Малибу, собственная
марка одежды — Джеки Чан
без устали Зарабатывает деньги
на счастливую старость...

пирваться, просчитать в уме и вовремя перевернуться. Опаснее всего то, что лететь придется спиной, не глядя на землю, но в этом-то и риск. «Мотор!» — кричит режиссер, Джеки напрягается, ловит грудью удар стражника и, откинувшись всем телом, летит вниз, считая про себя — раз, два, три, четыре, поворот, удар! По пяткам словно шибанули гигантским молотом, но вот раздаются аплодисменты, и к Джеки подбегают члены съемочной группы: «Отлично, парень, да ты просто молодец!» «У меня не очень хорошо получилось, — оправившись, отвечает Джеки. — Плохо приземлился, чуть не упал. Можно я попробую еще раз?»

...Надеждам на карьеру оперной звезды не суждено было сбыться: когда Джеки подрос, жанр традиционной китайской оперы умер сам по себе. Кроме любопытствующих иностранцев и совсем пожилых китайцев, на спектакли почти никто не ходил. Так что Джеки и большинству его братьев не оставалось ничего другого, кроме как податься в кинематограф. В Гонконге тогда снимали больше фильмов, чем во всем остальном мире: на волне популярности первых лент о боевых искусствах предприимчивые маленькие компании штамповали картину за картиной — съемочный цикл занимал неделю, максимум две. Устроиться в массовку было легче легкого: на первых порах Джеки приходилось изображать трупы или вертеться где-нибудь на заднем плане, но постепенно в кинематографических кругах о нем за-

яности», на который продюсеры возлагали особые надежды, — парню велели катиться на все четыре стороны и никогда больше не появляться на пороге киностудии.

«Взлеты и падения идут бок о бок» — Джеки вспоминал эту фразу, лежа на замызганном топчане в своей маленькой квартирке, которую по окончании школы ему подарил папа. За окном шумел ночной Гонконг, громадный яркий город. Тысячи людей в эту минуту пили дешевое пиво, кидали блестящие жетоны в недра игровых автоматов, строили планы на будущее, просто спали, готовясь к тяжелому трудовому дню. Никому не было дела до парня, который возмнил себя восходящей звездой.

Это крах, самый настоящий. Накопленных денег едва хватит на неделю. Работы нет и не предвидится. Зрители больше не ходят смотреть на дешевые драки, киностудии закрываются, сотни каскадеров, таких же, а то и лучше него, бродят в поисках хоть какого-нибудь заработка. Остается одно: отправиться к родителям в Австралию. Там наверняка найдется чем заняться: отец писал, что нужны каменщики, и в китайских ресторанах всегда есть вакансии... Что ж, лучше сдохнуть от скуки, чем от голода.

Внезапный стук в дверь прервал его мысли. Джеки недоуменно поднял голову: кого это черт несет? Он вроде никого не ждал. Дверь отворилась, и Джеки удивленно уставился на нежданную гостью: перед ним, скромно потупив глаза,

Джеки краснел, бледнел и сжимал кулаки — он самый известный в Азии актер, а в Голливуде к нему относятся как к дрессированной обезьяне!

говорили — парень делал то, чего никто сделать не отважился. Кончилось тем, что сам Брюс Ли позвал его работать дублером в новой картине «В бой вступает Дракон». И снова Чан превзошел все ожидания: он падал так естественно, что у зрителя не возникало и мысли о подвохе. От точных ударов Брюса Джеки отлетал на несколько метров и грациозно брякался о землю. Земля тоже была самой настоящей и очень твердой: спина и руки Джеки вечно были покрыты синяками и ссадинами, а пару раз он даже терял сознание — но чего не сделаешь ради будущей славы!

Младший каскадер... главный каскадер... координатор... наконец, исполнитель главной роли в одном, другом, третьем малобюджетном фильме — время, кажется, играло Джеки на руку. Неожиданная смерть Брюса Ли вынудила гонконгских продюсеров искать ему замену из числа молодых и нераскрученных актеров — появились Брюс Лай, Брюс Ле и Брюс Лю, а Джеки Чана все чаще приглашали сниматься в главных ролях.

Проблема была лишь в том, что все фильмы с его участием неизменно проваливались.

Просто Джеки Чан совершенно не походил на Брюса Ли. Сделать непобедимого мачо, яростного мстителя из паренька с носом картошкой и простецкой улыбочкой никак не получалось. К тому же зрителям явно поднадоело однотипные фильмы про кун-фу, слепленные по одному и тому же шаблону: неутомимый супергерой мстит за смерть отца (брата, невесты, сэнсея) и укладывает толпы врагов в одиночку. Когда в прокате провалился очередной фильм с Джеки Чаном — римейк легендарного боевика Брюса Ли «Кулак

стояла его первая любовь, девушка, лучше которой не было на свете, с которой он испытал самые лучшие и самые горестные минуты своей недолгой жизни...

Они познакомились случайно: Чан торопился на гала-концерт, где исполнял отрывок из старинной китайской пьесы, и, выпрыгивая из автобуса, ненароком сбил ее с ног. Девушка отряхнулась, пробормотала что-то нелестное про торопыг, которым надо бы купить очки, и упорхнула — а через полчаса он увидел ее на той же сцене, где выступал сам. О Чанг, так ее звали, была самой обворожительной молодой певицей. Чан усталился на сцену и стоял как вкопанный, пока чувствительный тычок в спину не вернул его на землю: «Чего стоишь, идиот, твой выход!» Что ж, в тот вечер Джеки превзошел самого себя: ведь она наверняка смотрела из-за кулис! После окончания концерта он разузнал, где она учится, и уже на следующий день стучал в кованые двери частной гимназии для девочек. «Что надо? — Пожилой привратник подозрительно всматривался в непрошеного посетителя. — К кому?» «У меня срочная депеша для вашей воспитанницы О Чанг», — бойко отпартовал Джеки. «Ну давай, я передам», — пробурчал привратник. «Нет-нет, — протестовал юный Ромео. — Сказано: лично в руки. К тому же мне надо кое-что добавить на словах». Все так же недоверчиво глядя на не в меру бойкого курьера, привратник отпер двери и повел его длинными коридорами в комнату для гостей. «У девочки занятия, но, так и быть, сейчас ее приведу». Несколько минут спустя в комнату заскочила О Чанг и удивленно-насмешливо вскинула брови: «Ты? Вот уж не ожидала! Хм, мне понравилось твое вчерашнее выступ-

ление». Джеки смущенно улыбнулся. «Ну, и какое же у тебя для меня сообщение?» Он перевел дух и выпалил: «Мне твое тоже понравилось. Могу я встретить тебя сегодня вечером после школы?»

Идиллия длилась полгода: они встречались почти каждый день, гуляли чуть не до рассвета, но потом О Чанг неожиданно пришла на встречу в слезах. «Мы не можем больше видеться, — сказала она, вытирая лицо шелковым платочком. — Папа запретил. Он говорит, у тебя нет будущего, ты мне не подходишь». Джеки на мгновение онемел — да что там, застыл, умер! — но быстро взял себя в руки. «Конечно, я все понимаю, — проговорил он сдавленным голосом. — Ты из богатой семьи, тебе нужен хороший жених. Ничего не поделать». И в его голове прозвучал голос сэнсея: «Удары только закаляют мужчину. Умение сносить удар — самое сложное, но и самое важное умение. Без этого ты всегда останешься маленьким мальчиком». «Прощай, О Чанг!» — проговорил он и быстро исчез в темноте.

И вот теперь она вновь стояла перед ним, красивая как никогда, и комкала в руках знакомый шелковый платочек. «Ты изменился», — сказала она наконец. Сотни, тысячи слов теснились в голове изумленного Джеки — сколько раз он представлял себе эту сцену, сколько раз репетировал, что он скажет! Но вместо этого лишь выдавил: «Как ты меня нашла?» «Случайно, — быстро проговорила О Чанг. — Я узнала на студии, что ты сидишь без работы, что у тебя проблемы, и решила помочь. Вот». И протянула аккуратный конверт: «Тут двадцать тысяч гонконгских долларов. Для меня это пустяки, ты знаешь, а тебе пригодятся». Джеки потряс головой — нет, так не бывает. И так не должно быть! «Я не приму эти деньги. Завтра я улетаю в Австралию, к родителям». В глазах О Чанг сверкнули слезы: «И как же ты полетишь? Будешь просить отца, чтобы он выслал тебе деньги на билет? После того, что ты наговорил ему про свои выгодные контракты? Ты хочешь потерять уважение отца?» «К тому же, — прибавила она, помолчав, — ты же вернешь мне эти деньги. Я знаю, ты прославишься, станешь знаменитым. Вот тогда и вернешь. Это выгодное вложение, не так ли?»

...Земля неумолимо приближалась — все быстрее и быстрее. Несколько секунд — и все позади. Несколько секунд? Казалось, прошла целая жизнь. Воспоминания, лица, имена...

...«Вот эти часы мне нравятся. Это настоящий «Ролекс»? Золотой? Хорошо, заверните семь штук, пожалуйста». Джеки Чан вальяжно постукивает пальцами по прилавку модного бутика. На нем шикарный костюм, черный с серебряными вставками, на ногах лакированные ботинки, на шее — две толстенные золотые цепи, и еще одна, поменьше, болтается на левой руке. За его спиной переминается с ноги на ногу дюжина коротко стриженных парней в одинаковых черных очках. «Зачем тебе семь штук, Джеки?» — заискивающе говорит один из них. «Э, приятель, ты не понимаешь, что значит жить красиво, — поучительно отвечает Чан. — По одним часам на каждый день недели, понял?»

Судьба все-таки улыбнулась упорному парню: одна из кинокомпаний решила рискнуть и вывести на экран нового героя — не робота-убийцу и не супермена, а простака, который не очень-то любит драться, все время попадает впросак, но все же выходит победителем. И продюсеры не ошиблись: фильм «Пьяный мастер» побил все рекорды в азиатском прокате. И следующий тоже. Джеки Чан стал даже популярнее Брюса Ли, самые крупные компании наперебой предлагали ему многомиллионные контракты на

любых условиях. И Чан развернулся на полную катушку — сам снимал, сам режиссировал и даже сам писал песни для своих фильмов. Все в точку — каждая следующая его картина оказывалась удачнее предыдущей. Чан в газетах, Чан на телевидении, Чан обедает в лучших ресторанах, кормит армию новых приятелей, скупает не глядя одежду в дорогих бутиках — просто чтобы утереть всем нос. Наконец, Чан едет в Голливуд...

Нельзя сказать, чтобы в Америке его ждали с нетерпением. «Говорят, вы очень популярны в Азии? — лениво допытывались репортеры. — И у вас черный пояс по карате?» Чан еле понимал, о чем они — английский давался ему с трудом, а эти журналисты так тараторят, — но вежливо отвечал: «Не карате. Кун-фу. Это совершенно разные школы». «Ну какая разница, — отмахивались репортеры. — И вы можете разбивать ладонью кирпичи? Может, покажете парочку трюков прямо сейчас?» Джеки краснел, бледнел и сжимал кулаки — он самый известный в Азии актер, а к нему относятся как к дрессированной обезьяне! Да и сценарии предлагали точно такие же: хороший парень Сигал отделяет плохого парня Чана под орех. «Но это же неправда, — обижался Чан. — Не то что я — любой каскадер из моей команды сделает из вашего Сигала подставку для кастрюль».

Но прошло время, и все изменилось: фильмы с участием Чана стали пользоваться в Америке таким же успехом, как и в Азии, а комедийный «Час пик» принес ему статус суперзвезды. Он купил виллу в Малибу, стал совладельцем сети ресторанов «Планета Голливуд» и даже открыл собственную сеть — «Восточная Звезда». Недвижимость, собственная марка одежды — Джеки Чан без устали зарабатывает деньги на счастливую старость («Я ведь не смогу прыгать по деревьям, когда мне стукнет шестьдесят»), а пресса пишет о его бесчисленных романах с популярными азиатскими актрисами и певицами. «Чушь, — обижается Джеки. — Если бы я спал со всеми, кого мне приписывают, у меня бы больше ни на что не осталось времени. В конце концов, у меня есть семья». Действительно, есть, и даже не одна: жена и сын в Гонконге и почти официальная любовница и сын на Тайване. И та и другая — актрисы. Впрочем, про любовницу он предпочитает в интервью не упоминать — не стоит портить образ примерного семьянина.

Однако давнюю услугу своей подруги он все-таки не забыл. О Чанг так и не вышла замуж, она открыла модный бутик и чуть не разорилась — никто не хотел покупать ее безумно дорогие платья. Но когда кредиторы уже собирались описывать имущество, в магазин невесты откуда налетела толпа возбужденных покупательниц и смела все, что висело на вешалках. Где они были раньше?

Ответ прост: на съемочной площадке. Все они работали у Джеки Чана — секретаршами, гримерами, осветителями. Узнав о бедственном положении О Чанг, Джеки дал каждой по приличной сумме и велел купить все что приглянется. О том, что за неслыханным ажиотажем в ее магазине стоит старый знакомый, О Чанг так и не узнала.

...Красный туман перед глазами рассеялся, и Джеки осторожно ощупал себя с ног до головы. Кажется, обошлось, все цело. Только в голове шумит, ну да ничего! Джеки болтался в метре от земли, облепленный плотной резиновой тканью, все еще во власти воспоминаний. Учитель, отец, О Чанг... «Что ж, — улыбнулся он. — Я все-таки оказался выгодным вложением. Разве нет?»

Ханна Лебовски